
А.В. Лысова, А.В. Истомина
(Владивосток)

ОБ ИЗМЕРЕНИИ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ПО НАКАЗАНИЮ ДЕТЕЙ

В статье приводятся результаты апробации методики измерения дисциплинарного воздействия на детей родителями, разработанной американскими учеными. Обосновывается надежность этой методики. Особое внимание уделяется таким способам дисциплинирования детей в семье, как телесное наказание и психологическая агрессия. Эти виды наказания интерпретируются как проявление жестокого обращения с детьми.

Ключевые слова: телесное наказание, психологическая агрессия, дисциплинирование, надежность инструментария измерения, родительское поведение.

Основные понятия исследования и постановка задачи

В современных реалиях актуализируется проблематика изучения насилия над детьми при практическом отсутствии данных об уровне и типах этого явления в семье. Помимо жестокого отношения к детям, которое включает в себя физическое насилие (нанесение побоев, причинение тяжелого, среднего и легкого вреда здоровью, связывание и т.п.), в семьях широко распространено издевательство над ребенком в виде бездействия (лишение пищи,

Александра Владимировна Лысова – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Института психологии и социальных наук Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток). E-mail: alysova@psyco.dvgu.ru.

Анастасия Викторовна Истомина – аспирантка Института психологии и социальных наук Дальневосточного государственного университета. E-mail: istomina_anastasia@yahoo.com.

воды, тепла) и психологического насилия (угрозы физической расправой, унижение человеческого достоинства, глумление). Многие случаи насилия в отношении детей остаются скрытыми и даже получают социальное одобрение. Это касается, прежде всего, физического или телесного наказания детей родителями. Такое наказание далеко не всеми признается формой насилия или жестокого обращения с детьми.

Одно из основных понятий нашего исследования – *телесное наказание*, под которым принято понимать применение родителем или замещающим его лицом физической силы с намерением причинить ребенку боль (исключая физические повреждения) с целью коррекции и контроля его поведения [1, р. 4, 8]. В отличие от физического насилия телесное наказание – это чаще всего легитимный акт, который не признается преступлением, редко приводит к телесным повреждениям и психологическим травмам ребенка, считается в обществе приемлемой формой поведения родителей в отношении собственных детей.

Если давать определение насилию над ребенком в терминах легитимности-нелегитимности и инструментальности-экспрессивности, телесное наказание ребенка является легитимно-инструментальной формой насилия, а физическое насилие над ребенком – нелегитимно-экспрессивной (выместить свою злость на ребенке) или нелегитимно-инструментальной (родитель считает свое поведение необходимым «ради блага ребенка», но общество определяет это как насилие) формами насилия. Телесное наказание чаще всего выражается посредством трясения, хватания ребенка, подзатыльников, пощечин, битья ремнем или другим предметом.

Другим основным понятием является *психологическая агрессия*, под которой понимается коммуникативный акт, направленный на причинение ребенку психологической боли. Эта агрессия может выражаться пассивно или активно, вербально или невербально [2, р. 797]. Принято выделять легкую и тяжелую формы психологической агрессии. К первой относится поведение в форме крика,

вызывания чувства стыда и вины, угроз наказания и др.; ко второй – ругань, проклятие, оскорбление, обзывание ребенка, угрозы выгнать из дома и другие формы поведения. Подчеркнем, что, как и телесное наказание, психологическая агрессия является широко распространенным способом воспитания, т.е. применяется родителями в разных обществах и довольно часто [2]. Несмотря на крайне негативные долговременные последствия влияния этих форм дисциплинирования на здоровье и благополучие детей, они редко считаются проявлениями насилия или жестокого обращения с детьми. Именно на этом основании обе формы родительского поведения рассматриваются в этой статье вместе.

Исследования жестокого обращения с детьми опираются на разные теоретические модели объяснения, основными из которых являются психологические, макросоциологические и микросоциологические (прежде всего, интеракционистские). Так, психологическая модель ставит в центр личность и семейную историю каждого из родителей. Предполагается, что только родители, имеющие те или иные психологические проблемы и/или психические расстройства, жестоки к своим детям, и им требуется лечение. Однако психологам пока не удается выявить комплекс черт или «портрет» личности жестокого родителя. С позиций макросоциологического объяснения важную роль в этиологии насилия над детьми играют неблагоприятные социально-экономические условия жизни семей, например: бедность, безработица родителей, социальная изоляция семей и др. При этом большое внимание уделяется влиянию социальных стереотипов на родительское поведение. Интеракционистская модель, или модель взаимодействия, в свою очередь, видит причины жестокого обращения с детьми не столько в факторах внешней среды или индивидуальных особенностях родителей и детей, сколько в особенностях детско-родительского взаимодействия, причем дети рассматриваются как активные участники этого процесса [3, с. 522–524].

Вне зависимости от теоретических моделей результаты многочисленных исследований показывают, что опыт телесного наказания ребенка тесно связан по последствиям с психологическими проблемами, делинквентным и преступным поведением, насилием во вторичной семье, алкоголизмом и другими проблемами, возникающими у него во взрослой жизни. Например, М. Страус, один из ведущих ученых в области социологии домашнего насилия, считает телесное наказание детей серьезной социальной проблемой и призывает к отказу от применения этой формы дисциплинарного воздействия. Вместе с тем, многие профессионалы, ученые и подавляющее число родителей в большинстве современных обществ до сих пор не считают телесное наказание серьезной социальной проблемой и даже оправдывают его применение. Отчасти такое положение дел может быть связано с отсутствием информации об альтернативных, не менее эффективных и не вызывающих серьезных негативных последствий способах наказания, к которым можно отнести лишение привилегий, наказание новым заданием и т.д.

Для иллюстрации важности проблематики обратимся к отечественным реалиям. Несмотря на то, что телесные наказания в нашей стране официально запрещены (см. ст. 156 УК РФ), есть все основания полагать, что применяются они довольно широко. Таковым в России является чрезвычайно высокий уровень убийств и детской смертности в результате случайных происшествий по сравнению с европейскими странами и даже с США. Более того, граница между физическим насилием и телесным наказанием детей все еще четко не определена, и различия между двумя этими формами поведения не отражены в официальной статистике. В связи с этим помимо данных о масштабах распространения телесного наказания детей приведем также данные об уровне физического насилия вплоть до убийств детей в российских семьях.

Согласно официальным данным (интервью заместителя Генерального прокурора Российской Федерации С. Фридинского

«Интерфаксу» в 2005 г.), в период с 2000-го по 2005 гг. в России родителями, настоящими и приемными, совершено 1080 убийств и 21 покушение на убийство детей. Из них 1086 преступлений совершено настоящими родителями, остальные – приемными и усыновителями. По сведениям информационного агентства «ИТАР ТАСС Урал», ежегодно около 2 млн. детей в возрасте до 14 лет избиваются родителями. Для 10% (около 200 тыс.) этих детей исходом становится смерть, а для 2 тыс. – самоубийство. Более 50 тыс. детей уходят из дома, спасаясь от собственных родителей. Согласно государственному докладу «О Положении детей в Российской Федерации», в 2004 г. было зарегистрировано около 50 тыс. преступлений против несовершеннолетних, более 2 тыс. детей ежегодно погибает от убийств и тяжких телесных повреждений. В целом, по результатам исследований разных авторов распространенность случаев насилия над детьми составляет от 3 до 30% [4, с. 13]. При этом ежегодно регистрируется более 42 тыс. обращений в медицинские учреждения по поводу легких телесных повреждений детей.

В отличие от данных, касающихся насилия над детьми, информация о масштабах *телесного наказания* детей в России крайне ограничена. Международное исследование насилия в добрых отношениях выявило, что 60,2% опрошенных студентов из Владивостока, Барнаула и Санкт-Петербурга подвергались физическому наказанию в семье в возрасте до 12 лет [5]. Это согласуется с оценками некоторых отечественных авторов, на основании которых уровень применения физических наказаний в российских семьях составляет от 50 до 95%. При этом не менее 5% детей постоянно испытывают физические оскорбления – пощечины, тычки, подзатыльники [6, с. 3–4].

Несмотря на столь впечатляющую статистику на тему жестокости родителей (тем более, психологической агрессии) по отношению к детям в нашем обществе все же не принято говорить открыто, а значит, отсутствуют программы профилактики насилия, и оно продолжает воспроизводиться в новых поколениях. В последнее

время отечественные ученые все чаще обращаются к изучению проблемы насилия над детьми, а именно: рассматривают виды и формы насилия, его истоки и причины, последствия перенесенного насилия, виды помощи детям-жертвам домашнего насилия. Однако телесное наказание детей и психологическая агрессия в их отношении в семье еще не становились специальным предметом для изучения.

Метод измерения. В настоящий момент в социологии и психологии применяются несколько подходов для выявления и измерения частоты применения родителями основных способов дисциплинирования детей в семье. Наиболее распространенными являются методы измерения, основанные на так называемых *конфликтно-тактических шкалах* (*Conflict Tactics Scales, CTS*), которые, в свою очередь, были разработаны М. Страусом в 1979 г. Эта методика была использована Нижегородским ресурсным центром «Детство без насилия и жестокости» в исследовании в 2006 г. и включена в инструментарий, который был разработан под руководством Д. Раньяна. Экспертиза валидности и надежности методики для оценки распространенности насилия над детьми подтвердила ее пригодность для применения в российских реалиях [4, с. 27–29].

Что касается нашего исследования, была поставлена задача апробации зарубежного *инструмента измерения дисциплинарного воздействия* (ИИДВ) (*Dimensions of Discipline Inventory, DDI*), направленного на выявление частоты использования родителями девяти основных способов дисциплинирования детей в семье. В его основе – конфликтно-тактические шкалы. Инструментарий служит не только для измерения уровня насилия в форме телесного наказания и психологической агрессии в отношении детей, но также для определения частоты применения ненаказывающих способов дисциплинирования. К достоинствам ИИДВ относится и то, что он является многофакторным исследовательским инструментом и включает в себя индексы, позволяющие измерить обстоятельства (например, холодность или теплоту родителя) и способы осуществления

дисциплинирования (например, последовательность и импульсивность), а также отношение родителей к каждому из методов дисциплинирования. Под «индексом» здесь и далее понимается объединение нескольких отдельных вопросов в едином показателе, который характеризует, например, степень психологической агрессии.

Назначение ИИДВ сами создатели видят в получении всесторонней оценки «корректирующих» способов дисциплинирования, которые определяются как поведение родителя в ответ на воспринятое им как плохое поведение ребенка с целью его исправления [7, р. 4]. При этом важно отметить, что «корректирующее» дисциплинирование не всегда означает «наказывающее». В ИИДВ почти половина вопросов (12 из 26) направлена на выявление применения наказывающих способов дисциплинирования, 8 – ненаказывающих и 6 – побуждающих способов дисциплинирования.

Двадцать шесть конкретных видов дисциплинирования могут быть объединены в девять более общих групп. Телесное наказание, лишение привилегий, психологическая агрессия и задания в наказание относятся к *наказывающим* (или частично наказывающим) способам дисциплинирования, в то время как наблюдение, вознаграждение, игнорирование плохого поведения, объяснение/обучение и отвлечение внимания ребенка – к *ненаказывающим*.

Используя ИИДВ, можно получить взаимодополняющие показатели *уровня*, *«хроничности»* и *частоты* использования тех или иных дисциплинарных техник. Под *уровнем* понимается доля родителей, которые как минимум однажды использовали те или иные дисциплинарные воздействия за определенный период времени (один год). Под *хроничностью*, например, телесного наказания понимается частота наказания детей родителями, сообщившими, что хотя бы раз делали это за определенный период времени. *Частота*, в свою очередь, равна числу применений того или иного дисциплинарного воздействия всеми родителями за прошедший год [8].

Обоснование выбора инструментария исследования. Наш выбор обусловлен несколькими причинами. Первая состоит в воз-

возможности кросскультурных сравнений, т.е. мы могли соотнести наши результаты с существующей статистикой по 30 странам, так как всеми нами – членами Международного консорциума по изучению родительского поведения (*International Parenting Study, IPS*) – использовался один и тот же инструментарий. Во-вторых, это один из наиболее современных инструментариев измерения родительского «дисциплинарного» поведения, как наказывающего, так и ненаказывающего. Кроме того, своей целью мы ставили получение закономерностей на достаточно представительной выборке. Нашими респондентами могли являться не только клиенты служб и клиник, оказывающих помощь неблагополучным семьям. Следует подчеркнуть, что большинство современных исследований, посвященных изучаемой нами теме, основывается на так называемых клинических выборках. Поэтому проблема насилия и физического наказания детей исследуется в основном в тех семьях, которые обращаются за помощью к специалистам по проблеме детско-родительских отношений [9], а также на основе данных работы телефонов доверия (например, Телефон доверия государственного предприятия «Социально-психологический центр “Служба семьи”» в г. Уфе) [10].

Эмпирическая база исследования. Существует несколько форм в инструментарии ИИДВ: для родителей, для взрослых (ретроспективный самоотчет) и для детей. В нашем исследовании использовалась форма для родителей (Form P) и соответственно инструментарий состоял из нескольких блоков:

Блок А – общие сведения о респонденте. Родители сообщают информацию о себе: статус, пол, возраст, количество детей младше 18 лет, проживающих совместно с ними большую часть недели; указывают возраст и пол этих детей, уровень образования (свой и партнера/супруга), средний доход семьи в месяц, количество человек, которые проживают на этот доход, национальность. Ответы на эти вопросы позволяют ввести социально-демографический индекс риска, который можно использовать в дальнейшем анализе

в качестве независимой или контрольной переменной. Известно, что недостаточная материальная обеспеченность семьи наряду с такими факторами, как низкий уровень образования, неполная или большая семья и плохие жилищные условия, повышают вероятность появления проблем, связанных с поведением ребенка, и мешают адекватному выполнению дисциплинарных и воспитательных функций.

Блок В – демографические данные о ребенке и его плохом поведении. В этом блоке респондентов просят указать сведения о ребенке, в отношении которого будет заполняться анкета: пол, возраст. Далее вопросы этого блока выстраивались по определенной логике. Так как мы измеряли «родительское поведение» в отношении того, что воспринимается как плохое поведение детей, то респондентов сначала просили привести по два примера незначительного и серьезного плохого поведения. В рамках ИИДВ плохое поведение ребенка определяется как поведение, которое родитель воспринимает как нежелательное и нуждающееся в исправлении [7, р. 10]. Далее респонденту предлагался вопрос о том, как часто повторяется незначительное и серьезное плохое поведение ребенка после того, как его поправили. При этом предлагается порядковая шкала с 11 градациями:

–1 = Никогда

0 = Ни разу за прошедший год, но в предыдущем были случаи

1 = 1-2 раза за прошедший год

2 = 3-5 раз за прошедший год

3 = 6-9 раз за прошедший год

4 = Ежемесячно (от 10 до 14 раз за прошедший год)

5 = Несколько раз в месяц (2-3 раза в месяц)

6 = Еженедельно (1-2 раза в неделю)

7 = Несколько раз в неделю (3-4 раза в неделю)

8 = Ежедневно (5 или больше раз в неделю)

9 = Два и более раза в день

Блок С – об использовании способов дисциплинирования детей. Респондентам предлагается ответить на 23 вопроса о

различных способах коррекции плохого поведения ребенка, например: «Как часто Вы ставили ребенка в угол или отправляли в свою комнату на какое-то время?»¹ Респонденту предлагались варианты ответа в виде шкалы с 11 градациями от –1 («никогда») до 9 («два и более раза в день»), как в блоке В.

Блок D – о способах осуществления и обстоятельствах дисциплинирования. Респондентам предлагалось ответить на вопросы, касающиеся того, как поступали они и их партнеры/супруги за прошедший год, когда им пришлось исправлять плохое поведение ребенка. Дисциплинирование ребенка не происходит в изоляции, в отрыве от окружающего мира и отношений в конкретной семье, поэтому знание контекста и сопутствующих факторов в его осуществлении дает достаточно ценную информацию об эффективности применения того или иного воздействия на ребенка. Теплота или холодность, последовательность или импульсивность, стресс и конфликты с партнером способны ограничить благотворное воздействие лишения привилегий или отвлечения внимания (например, поставить в угол) и, в свою очередь, могут смягчить негативный эффект телесного наказания. Для каждого из утверждений респондентам предлагались следующие варианты ответа (в скобках – коды): никогда (0), почти никогда (1), иногда (2), обычно (3), всегда или почти всегда (4).

Блок E – когнитивная оценка (одобрение/неодобрение) каждого способа дисциплинирования (мнение родителя о воспитании). По каждому способу дисциплинирования респондентам задавался один и тот же вопрос:

Я думаю, это: 1. Никогда не хорошо. 2. Редко хорошо. 3. Обычно хорошо. 4. Всегда или почти всегда хорошо.

Опрос проводился среди взрослых жителей г. Владивостока ($n = 575$, 51% женщин), у которых хотя бы один ребенок младше

¹ Существуют новые версии инструментария ИИДВ, где предлагается 26 вопросов. Мы исходили из версии с 23 вопросами.

18 лет проживал вместе с ними большую часть недели. Средний возраст родителей, принявших участие в опросе, составил 34 года (стандартное отклонение – 7,5 лет). Более 2/3 респондентов (70,3%) имеют одного ребенка и проживают с супругом(ой), который(ая) является родителем ребенка (73,6%). Почти 17% респондентов сообщили, что они – одинокие родители, большинство из которых – матери. Более половины (51,7%) опрошенных родителей имеют высшее образование.

Выборка является районированной. Количество опрошенных в каждом из пяти районов города было прямо пропорционально численности жителей. Отбор респондентов проходил стихийно на улице, по месту работы, анкеты распространялись среди родителей в детских образовательных учреждениях г. Владивостока: детских садах и школах. Поэтому результаты исследования не могут быть распространены на всю совокупность жителей г. Владивостока, имеющих детей младше 18 лет. Анкетирование проводилось в апреле–мае и августе–октябре 2007 г. В результате было получено 604 заполненные анкеты, из которых 28 (4,6%) были исключены по следующим причинам: пропущено более 25% вопросов, респонденты отвечали на вопросы о двух детях одновременно, отвечали не о ребенке (в одном случае отвечали о собаке) и др.

В процессе проведения исследования мы столкнулись с некоторыми трудностями. Первая из них заключалась в отказе части респондентов от участия в исследовании по причине большого объема анкеты (7 страниц). Некоторые участники исследования сообщали о сложностях, связанных с восприятием или непониманием некоторых вопросов. Респонденты затрачивали на заполнение опросника около 1 ч. вместо предполагаемых 45 мин., что было связано, как они говорили, с тем, что не могут вспомнить, например, как часто ребенок повторял незначительное плохое поведение. Другая трудность заключалась в том, что после согласия принять участие респонденты сообщали, что, так как они любят своего ребенка, то он или она, следовательно, не ведет себя плохо,

и возвращали анкету. Этот аспект, на наш взгляд, заслуживает отдельного изучения.

Важно также отметить и то, что наряду с высокой готовностью отдельных жителей города принять участие в опросе, директора школ и заведующие дошкольными образовательными учреждениями не были склонны способствовать проведению исследования, говоря, что не заинтересованы в результатах. Мы предполагаем, что это может иметь отношение к серии публичных скандалов, связанных с выявлением жестокого отношения персонала школ и детских садов к детям.

Результаты исследования. В первую очередь обратимся к данным, полученным по **Блоку С**. Основные результаты, касающиеся уровня, частоты и хроничности использования родителями каждого из способов наказывающего и ненаказывающего дисциплинирования за предшествующий исследованию год и в целом, приведены в табл. 1. Подавляющая доля родителей (92%) использовала те или иные формы наказания ребенка в течение одного года и 97% применяли способы ненаказывающего дисциплинирования. Обращает на себя внимание тот факт, что около половины опрошенных родителей (46%) прибегали к телесному наказанию; это хотя и ниже показателей в отношении других методов дисциплинирования, тем не менее, очень значительно. Этот показатель близок к данным в США, где около 40% родителей хотя бы раз физически наказывали своего ребенка [11, р. 121]. Другой результат, заслуживающий внимания, заключается в выявлении большой доли родителей, совершающих психологическую агрессию в отношении детей (90%). «Частота» показывает, что телесное наказание к детям применялось родителями около трех раз в месяц, а психологическая агрессия – в среднем через день! По сравнению с другими наказывающими методами психологическая агрессия – бесспорный лидер в наказании детей, а телесное наказание по частоте обошло наказание в форме нового задания. В целом ненаказывающие методы родители применяли гораздо чаще наказывающих: 15 и 5 раз в неделю соответственно.

Наиболее распространенными методами ненаказывающего дисциплинирования являются объяснение/обучение и вознаграждение детей. По нашим результатам родители использовали их в среднем почти каждый день. По сравнению с частотой применения телесного наказания показатель хроничности возрос вдвое и достиг 71. Это означает, что родители, склонные к применению телесного наказания, прибегают к нему более одного раза в неделю. В то же время хроничность использования психологической агрессии почти не изменилась по сравнению с показателем частоты, что связано с высоким процентом родителей, применяющих этот тип наказания.

Таблица 1

УРОВЕНЬ, ЧАСТОТА И ХРОНИЧНОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ СПОСОБОВ ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЯ

Способы дисциплинирования	Уровень	Частота	Хроничность
<i>Телесное наказание</i>	46	33	71
<i>Психологическая агрессия</i>	90	167	185
Лишение привилегий	66	54	79
Наказание новым заданием	46	25	54
Наказывающие способы (в целом)	92	273	292
Отвлечение внимания	76	172	93
Объяснение/обучение	96	329	325
Игнорирование плохого поведения	71	122	65
Наблюдение	66	82	125
Вознаграждение	91	252	274
Ненаказывающие способы (в целом)	97	760	765

В табл. 2 приведены показатели *уровня, частоты и хроничности* относительно двух интересующих нас видов родительского поведения: телесного наказания и психологической агрессии в виде

значений двух *индексов*¹. Они получены как суммарная оценка соответственно по трем и четырем вопросам их составляющих. В 2,5 раза больше родителей, которые как минимум однажды за прошедший год трясли, хватали ребенка (33%), шлепали, давали подзатыльники и пощечины (35%), чем тех, которые ударяли детей палкой, ремнем и другими предметами (14%). Хотя родители в исследовании применяли ремень, палку или другой предмет для воспитания ребенка в среднем раз в два месяца, склонные к битью родители воспитывали детей ремнем гораздо чаще – почти раз в неделю!

Из четырех форм проявления психологической агрессии самыми распространенными оказались крик на ребенка (75% родителей использовали это в среднем 2 раза в неделю), вызывание в ребенке чувства вины и стыда (68% родителей – в среднем раз в неделю), а также обзывание ребенка (62% родителей – в среднем раз в неделю).

Таблица 2

УРОВЕНЬ, ЧАСТОТА И ХРОНИЧНОСТЬ ВИДОВ ТЕЛЕСНОГО
НАКАЗАНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ
В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ

Виды дисциплинирования	Уровень	Частота	Хроничность
<i>Телесное наказание</i>			
Трясти, хватать ребенка для привлечения внимания	33	12	36
Шлепать ребенка, давать подзатыльники или пощечины	35	15	44
Ударять палкой, щеткой для волос, ремнем или другим предметом	14	6	43

¹ Индексы более подробно описаны в работе [12, с. 138–142].

Окончание табл. 2

Виды дисциплинирования	Уровень	Частота	Хроничность
<i>Психологическая агрессия</i>			
Кричать на ребенка	75	70	93
Заставлять чувствовать стыд или вину	68	45	66
Демонстрировать холодность, не обнимать и не целовать ребенка	42	16	39
Называть ребенка ленивым, неряшливым, невнимательным или кем-либо в этом роде	62	37	59

Результаты анализа по вопросам **Блоков Д и Е** отражены в табл. 3. Для каждого индекса приведены значения среднего, стандартного отклонения и значения коэффициента «альфа Кронбаха» (α). Этот коэффициент позволяет судить о внутренней консистентности индекса, т.е. представляет собой оценку надежности, базирующуюся на его гомогенности, и вычисляется как сумма корреляций между ответами испытуемых на вопросы внутри одной и той же формы. Его расчетная формула принимает во внимание количество вопросов, общую дисперсию оценок индивидов и сумму дисперсий баллов, полученных респондентами по каждому вопросу, составляющему индекс:

$$\alpha = \frac{N}{N-1} \left(1 - \frac{\sum_{i=1}^N \sigma_{Y_i}^2}{\sigma_X^2} \right),$$

где N – число вопросов; σ_X^2 – общая дисперсия оценок индивидов и $\sigma_{Y_i}^2$ – дисперсия баллов, полученных респондентами по каждому вопросу в индексе [13].

Значения этого коэффициента меняются в пределах от 0 до 1. Чем ближе его значение к 1, тем выше внутренняя согласованность вопросов. Коэффициент альфа возрастает как с увеличением числа вопросов в индексе, так и с усилением корреляции между ними. Значение коэффициента альфа 0,60 типично для разведывательного анализа; альфа должна быть по меньшей мере равной 0,70 в «адекватных» индексах; для «хорошего» индекса требуется показатель альфа со значением 0,80.

Что касается отношения респондентов к девяти основным способам дисциплинирования (*Блок Е*), то, как и ожидалось, в наибольшей степени из числа побуждающих способов дисциплинирования одобряются объяснение/обучение (средний балл 3,5 на шкале от 0 до 4) и вознаграждение (средний балл 2,7). Интересным является зафиксированное расхождение между оценками родителями тех или иных способов дисциплинирования и практикой их использования. Хотя родители в наименьшей степени одобряют применение телесного наказания (1,3 из 4) и в наибольшей степени одобряют наказание новым заданием (2,3 из 4), в действительности они поступают по-другому и применяют телесное наказание чаще наказания новым заданием (см. табл. 1). Это говорит о том, что родители понимают негативные эффекты телесного наказания, однако в силу разных причин продолжают применять его к своим детям. Одной из причин может выступать неумение родителями сдерживать негативные эмоции, связанные с плохим поведением ребенка, стрессами на работе или чем-то другим. Вероятно, что родители в этом случае не столько контролируют поведение ребенка, сколько выплескивают свои злость и гнев. Однако мотивация применения родителями телесного наказания требует специального изучения. Психологическая агрессия довольно высоко одобряется респондентами по сравнению с другими методами наказывающего дисциплинирования (1,8 из 4) и при этом используется также широко. Возможно, одним из шагов на пути к снижению частоты

применения психологической агрессии к детям в семьях должно стать изменение установок родителей, согласно которым эта форма поведения считается вполне приемлемой в нашем обществе.

Анализ данных по вопросам *блока D* показывает, что преобладающим контекстом или обстоятельствами, в которых происходило дисциплинирование, явилось доверие (средний балл 2,9) и стресс (1,8), в то время как основными способами осуществления дисциплинирования выступили теплота/поддержка (3,2), последовательность (2,9) и рассудительность (2,8). Учет этих переменных в дальнейшем анализе позволит точнее оценить условия эффективности дисциплинарного воздействия.

Таблица 3

**ХАРАКТЕРИСТИКИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И НАДЕЖНОСТИ
ПО БЛОКАМ В ВОПРОСНИКЕ**

(все средние значения вычислены на порядковых шкалах от 1 до 4)

	Среднее	Ст. откл.	Альфа
Когнитивная оценка: одобрение / неодобрение способов дисциплинирования (Блок E)			
<i>Телесное наказание</i>	<i>1,3</i>	<i>0,5</i>	<i>0,87</i>
<i>Психологическая агрессия</i>	<i>1,8</i>	<i>0,5</i>	<i>0,70</i>
Лишение привилегий	1,8	0,6	0,66
Наказание новым заданием	2,3	0,9	0,74
Наказывающее дисциплинирование (в целом)	1,7	0,5	0,88
Отвлечение внимания	2,3	0,8	0,54
Объяснение/обучение	3,5	0,6	0,56
Игнорирование плохого поведения	1,8	0,7	0,56
Наблюдение	2,2	0,8	0,78
Вознаграждение	2,7	0,6	0,21
Контекст/обстоятельства дисциплинирования (Блок D)			
Доверие	2,9	0,8	0,14
Конфликт родителей	1,5	1,0	0,73

Окончание табл. 3

	Среднее	Ст. откл.	Альфа
Воспринимаемая неэффективность дисциплинирования	1,4	0,9	0,66
Стресс	1,8	0,9	0,63
Способы осуществления дисциплинирования (Блок D)			
Последовательность	2,9	0,7	0,55
Когнитивная основа/рассудительность	2,8	0,9	0,31
Импульсивность	1,3	0,9	0,46
Теплота/поддержка	3,2	0,7	0,59
Предупреждение	2,2	0,9	0,26
Отзывчивость, чуткость	2,4	1,2	0,60

Обоснование надежности методики

Для обоснования надежности апробированной методики в российских реалиях обратимся прежде всего к вопросам *Блока С*. Анализ значений коэффициента альфа Кронбаха по данным табл. 3 и табл. 4. подтверждает эту надежность. Эмпирические индикаторы *Блока С* коррелируют между собой за исключением «вознаграждения». Примечательно, что три вопроса, составляющие индекс телесного наказания, высоко коррелируют между собой. Полученные значения коэффициента вполне соответствуют предъявляемым в мировом сообществе показателям надежности. Надежность индексов для измерения когнитивной оценки тех или иных форм дисциплинирования на нашей выборке также высокая и соответствует мировым стандартам.

Надежность вопросов *Блока D*, направленных на измерение контекста и способов осуществления дисциплинирования, хотя и ниже надежности вопросов в *Блоках С и Е*, тем не менее, в каждом случае является положительной. Тем самым инструментарий может применяться в дальнейших исследованиях в России.

Таблица 4

ПОКАЗАТЕЛЬ НАДЕЖНОСТИ ИНДЕКСОВ, ИЗМЕРЯЮЩИХ
СПОСОБЫ ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЯ

Способы дисциплинирования	Коэффициент альфа Кронбаха
<i>Телесное наказание</i>	0,83
<i>Психологическая агрессия</i>	0,69
Лишение привилегий	0,62
Наказание новым заданием	0,79
Наказывающие способы (в целом)	0,87
Отвлечение внимания	0,52
Объяснение/обучение	0,51
Игнорирование плохого поведения	0,52
Наблюдение	0,77
Вознаграждение	0,20

Ограничения. Серьезным ограничением нашего исследования с точки зрения адекватности интерпретации эмпирических закономерностей является то, что используемая нами выборка не является случайной. При рассмотрении результатов важно учитывать, что 51,7% респондентов в выборке имели высшее образование, что приводит к заниженным показателям частоты использования телесного наказания и психологической агрессии, а также степени одобрения их использования. Высокий уровень образования влияет на эти показатели [2; 11; 14]. Также подчеркнем, что в детских воспитательных учреждениях и школах возврат незаполненных анкет составил 8 из 9. Родители, в наибольшей степени склонные к совершению наказания и насилия над детьми, имели возможность отказаться от участия в исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Straus M.A., Donnelly D.A. Beating the Devil out of Them: Corporal Punishment in American Families and Its Effects on Children. 2nd ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 2005.

2. *Straus M.A., Field C.J.* Psychological Aggression by American Parents: National Data on Prevalence, Chronicity, and Severity // *Journal of Marriage & Family*. 2003. Vol. 65. P. 795–808.

3. *Крайг Г.* Психология развития. СПб.: Питер, 2002.

4. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления / Под ред. Е.Н. Волковой. СПб.: Питер, 2008.

5. *Лысова А.В.* Связь физического наказания детей в семье с совершением ими насилия на свиданиях // *Семья в России*. 2007. № 1-2. С. 37–47.

6. *Григорьев К.И.* Клинические и методологические предложения к решению проблемы синдрома жестокого обращения с ребенком в педиатрии / К.И. Григорьев, А. М. Егоренков // *Медицинская помощь*. 2006. № 2. С. 3–7.

7. *Straus M.A., Fauchier A.* Manual for the Dimensions of Discipline Inventory (DDI), 2006. Режим доступа: <http://pubpages.unh.edu/~mas2>.

8. *Giles-Sims J., Straus M.A., Sugarman D.B.* Child, Maternal and Family Characteristics Associated with Spanking // *Family Relations*. 1995. No. 44. P. 170–176.

9. *Алексеева Л.С.* Жестокое обращение с детьми и отсутствие заботы со стороны родителей и других воспитателей: Пособие для медицинских и социальных работников. М., 2005. С. 33–59.

10. *Закирова В.М.* Развод и насилие в семье – феномены социального неблагополучия // *Социологические исследования*. 2003. № 4. С. 85–90.

11. *Wissow L.S.* Ethnicity, Income, and Parenting Contexts of Physical Punishment in a National Sample of Families with Young Children // *Child Maltreatment*. 2001. 6 (2). P. 121–123.

12. *Бююль А., Цефель П.* SPSS: искусство обработки информации; Platinum Edition / Пер. с нем. СПб.: ООО «ДиаСофтЮП», 2005.

13. *Miller M.B.* Coefficient Alpha: A Basic Introduction from the Perspectives of Classical Test Theory and Structural Equation Modeling // *Structural Equation Modeling*. 1995. No. 2 (3). P. 255–273.

14. *Pinderhughes E.E., Zelli A., Dodge K.A., Bates J.E., Pettit G.S.* Discipline Responses: Direct and Mediated Influences of SES, Ethnic Group Status, Parenting Beliefs, Stress, and Parent Cognitive-Emotional Processes // *Journal of Family Psychology*. 2000. Vol. 14. P. 380–400.